

Лекция 5. Немецкий неолиберализм (II)

7 февраля 1979 г. Немецкий неолиберализм (II). — Его проблема: как либеральная экономика может одновременно обосновывать и ограничивать государство? Неолиберальные теоретики: В. Эйкен. Ф. Бём, А. Мюллер-Армак, Ф. фон Хайек. — Макс Вебер и проблема иррациональной рациональности капитализма. Ответы Франкфуртской и Фрайбургской школ. — Нацизм как неизбежное зло, необходимое для определения неолиберальной цели. — Препятствия либеральной политике в Германии начиная с XIX в.: (a) протекционистская экономика по Листу; (b) бисмарковский государственный социализм; (c) утверждение плановой экономики во время Первой мировой войны; (d) дирижизм кейнсианского типа; (e) экономическая политика национал-социализма. — Неолиберальная критика национал-социализма, опирающаяся на эти элементы немецкой истории. — Теоретические следствия: распространение этой критики на New Deal и план Бевеиджа; дирижизм и рост мощи государства; массивфикация и унификация, следствия этатизма. Сущность неолиберализма: новация по отношению к классическому либерализму.

Теория чистой конкуренции

Сегодня я попытаюсь закончить то, что начал говорить вам о послевоенном немецком неолиберализме, о том неолиберализме, современниками которого мы являемся и в который мы фактически вовлечены.

Как вы помните, я пытался показать вам, что за проблема была поставлена в XVIII в. вопросом о рынке. Проблема была такова: как в данном государстве, легитимность которого, по крайней мере в то время, не ставилась под вопрос, можно было дать место свободе рынка, исторически, а также юридически представляющей как нечто новое, поскольку в полицейском государстве, как оно функционировало в XVIII в., свобода определялась лишь как свобода привилегий, свобода ограниченная, связанная со статусом, с родом занятий, с уступками власти и т. п. Как возможна свобода рынка как свобода *laissez faire* в полицейском государстве? Такова была проблема, и ответ, данный в XVIII в., как вы помните, был очень прост и состоял в следующем: то, что должно дать место свободе рынка, что должно сделать возможным включение свободы рынка в государственные интересы и в функционирование полицейского государства, это попросту сам рынок, предоставленный самому себе, рынок, которому позволяют действовать, управляемый принципом обогащения, роста, а следовательно могущества государства. К возрастанию государства через уменьшение руководства: таков в целом ответ XVIII в.

Проблема, которая встала перед Германией в 1945 г. (точнее, в 1948 г., если сослаться на те тексты и решения, о которых я говорил вам в прошлый раз) была, очевидно, проблемой весьма и весьма отличной и прямо противоположной (именно это я пытался объяснить в прошлый раз). Проблема была такова: возьмем, если можно так выразиться, государство, которого не существует. Поставим задачу заставить государство существовать. Как легитимировать, так сказать, авансом, это будущее государство? Как сделать его приемлемым исходя из экономической свободы, которая одновременно ограничивает его и позволяет ему существовать? Это именно та проблема, именно тот вопрос, которые я пытался определить в прошлый раз и которые составляют, если угодно, первую цель (первую исторически и политически) неолиберализма. А теперь надо немного тщательнее разобраться с ответом. Каким образом экономическая свобода может быть одновременно основанием и ограничением, гарантией и залогом государства? Очевидно, это предполагает пересмотр некоторых основополагающих элементов либеральной доктрины — я говорю не столько об экономической теории либерализма, сколько о либерализме как искусстве управлять, или, если хотите, о доктрине управления.

Итак, я намерен слегка изменить своему обыкновению, то есть я собираюсь сказать вам два-три слова о биографии тех людей, которые окружали будущего канцлера Эрхарда, тех, кто планировал эту новую экономическую политику, этот новый способ сочленять экономику и политику, который характеризует современную Немецкую Федеративную Республику. Кем были эти люди? В научной комиссии, собранной Эрхардом в 1948 г., было много людей, главный из которых — Вальтер Эйкен,¹ экономист по профессии, в начале XX в. учившийся у Альфреда Вебера, брата Макса Вебера. В 1927 г. Эйкен был назначен профессором экономики во Фрайбург, где он познакомился с Гуссерлем,² соприкоснулся с феноменологией, познакомился с некоторыми юристами, которые в конечном счете сыграли

важную роль в теории права Германии XX в., которые сами соприкоснулись с феноменологией и которые пытались пересмотреть теорию права, избегая как противоречий историцизма XIX в., так и формалистской, аксиоматической, этатистской концепции Кельзена.³ В 1930 или [19]33 г., точной даты я не знаю, Эйкен пишет получившую в то время большой отклик статью против возможного применения кейнсианских методов для разрешения кризиса в Германии,⁴ а кейнсианские методы, как известно, в ту эпоху в Германии превозносили такие люди, как Лаутенбах⁵ или доктор Шахт.⁶ Эйкен хранил молчание на протяжении всего нацистского периода.⁷ Он оставался профессором во Фрайбурге. В 1936 г. он основал журнал под названием «Ordo»,⁸ а в 1940 г. опубликовал книгу, носившую несколько парадоксальное название «Grundlagen der Nationalökonomie»,⁹ тогда как в действительности в этой книге речь идет не о национальной экономике, но о том, что фундаментально, доктринально, политически ей противоположно. И именно вокруг журнала «Ordo», которым он руководит, складывается та школа экономистов, которую называют Фрайбургской или «ордолиберальной» школой. Таким образом, это и есть один из советников, и, без сомнения, самый главный из ученых советников, которых Эрхард¹⁰ собрал в 1948 г. Итак, в эту комиссию входит Эйкен. Есть еще Франц Бём,¹¹ фрайбургский юрист, получивший феноменологическое образование, или во всяком случае в определенной степени ученик Гуссерля. Франц Бём впоследствии стал депутатом Бундестага и до семидесятых годов оказывал решающее влияние на экономическую политику Германии. В эту комиссию входил также Мюллер-Армак,¹² который был историком экономии, преподавал, кажется, во Фрайбурге¹³ ([но] в этом я не вполне уверен), и в 1941 г. написал очень интересную книгу, носившую курьезное название «Генеалогия экономического стиля»,¹⁴ где он попытался определить облик сугубо экономической теории и политики, того, что сводится, так сказать, к искусству управлять экономически, управлять экономично, и что он называет экономическим стилем.¹⁵ Мюллер-Армак станет государственным секретарем при Людвиге Эрхарде и одновременно министром экономики, это один из участников Римского договора. Вот среди прочих некоторые персонажи этой научной комиссии.

Кроме них, конечно, надо было бы назвать и несколько других людей, которые также [сыграли важную роль][50] в этом новом определении либерализма, либерального искусства управлять. Они не входили в комиссию, но в действительности были ее вдохновителями, по крайней мере некоторые, и главный из них, конечно же, Вильгельм Рёпке,¹⁶ который был экономистом в Веймарский период, который был одним из советников Шлейхера¹⁷ и который [стал бы] министром Шлейхера, если бы Шлейхера не сместили ради Гитлера в начале 1933 г. Рёпке тоже был антикейнсианцем и в 1933 г. был вынужден отправиться в изгнание. Он уехал в Истанбул,¹⁸ затем обосновался в Женеве.¹⁹ Там он и оставался до конца своей карьеры, а в 1950 г. опубликовал небольшую книгу с предисловием Аденауэра, носившую заглавие «Направленность немецкой экономической политики»²⁰ и представлявшую собой, можно сказать, самый ясный, самый простой, самый решительный манифест новой экономической политики. Надо было бы сказать и о других. Кстати, Рёпке написал в предвоенный период и сразу после войны что-то вроде большой трилогии, наряду с «Grundlagen der Nationalökonomie» являющейся своего рода библией ордолиберализма, неолиберализма, трехтомный труд, первая часть которого носит название «Gesellschaftskrisis» («Кризис общества»)²¹ — выражение, печальную судьбу которого в современном политическом словаре вы знаете и которое, конечно же, явно отсылает к

«Кризису европейских наук» Гуссерля.²² Был еще Рюстов²³. Был еще один персонаж, очевидно, очень важный, который тоже не входил в комиссию, но чья карьера, чья траектория в конце концов оказалась чрезвычайно важна для определения современного неолиберализма. Это австриец фон Хайек.²⁴ Он происходит из Австрии, он развивает неолиберализм, эмигрирует во время Аншлюса или прямо перед Аншлюсом. Он уезжает в Англию. Потом в США. Совершенно очевидно, что он был одним из вдохновителей современного американского либерализма, или, если угодно, анархо-капитализма, а в 1962 г. он возвращается в Германию, где становится профессором во Фрайбурге, и таким образом круг замыкается.

Я напоминаю вам эти биографические детали в силу нескольких причин. Прежде всего, дело в проблеме, вставшей перед Германией в 1948 г., а именно как совместить друг с другом легитимность государства и свободу экономических партнеров, притом что вторая должна обосновывать первую или служить залогом первой; очевидно, что те, кто с этой проблемой столкнулся и кто пытался ее разрешить в ту эпоху, уже обладали некоторым опытом. Со времен Веймарской Республики,²⁵ государственная легитимность которой постоянно подвергалась сомнению и которой пришлось бороться с присущими ей внутренними экономическими проблемами, в эпоху Веймарской Республики эта проблема уже была поставлена, и именно с ней начиная с 1925–1930 гг. пришлось столкнуться Эйкену, Бёму, Рёпке.

Кроме того, я набросал несколько биографических штрихов, чтобы указать вам на то, что, быть может, заслуживает несколько более тщательного изучения (теми, кто интересуется современной Германией). Любопытна эта близость (а то и параллелизм) между тем, что получило название Фрайбургской или ордолиберальной школы, и, так сказать, ее соседкой, Франкфуртской школой. Параллелизм в датах, а также в судьбах, поскольку Фрайбургскую школу, так же как и Франкфуртскую, по крайней мере частично, разогнали и принудили к изгнанию. Тот же тип политического опыта и та же самая точка отсчета, поскольку, как мне представляется, и та, и другая, Фрайбургская и Франкфуртская школы исходили из общей проблематики, которую я бы назвал политико-университетской, которая господствовала в Германии в начале XX в. и которую в определенном смысле можно назвать веберизмом. Наконец, я хочу указать на послужившего точкой отсчета той и другой Макса Вебера,²⁶ о котором можно было бы сказать, решительно схематизируя его позицию, что в Германии начала XX в. он был тем, кто сместил проблему Маркса.²⁷ Если Маркс пытался определить и проанализировать то, что можно назвать противоречивой логикой капитала, то проблема Макса Вебера и то, что Макс Вебер ввел одновременно в немецкое социологическое, экономическое и политическое мышление, было не столько проблемой противоречивой логики капитала, сколько проблемой иррациональной рациональности капиталистического общества. Этот переход от капитала к капитализму, от логики противоречия к разделению на рациональное и иррациональное, как мне кажется, и есть то, что (опять-таки очень схематически) характеризует проблему Макса Вебера. В целом же можно сказать, что как Франкфуртская школа, так и школа Фрайбургская, как Хоркхаймер,²⁸ так и Эйкен просто воспроизводили эту проблему в двух различных смыслах, поскольку (опять же схематично) проблема Франкфуртской школы состояла в том, чтобы определить, какой могла бы быть новая общественная рациональность, определяемая и формируемая таким образом, чтобы устранить экономическую иррациональность. В свою очередь изучение этой

иррациональной рациональности капитализма стало проблемой Фрайбургской школы, и такие люди, как Эйкен, Рёпке и др., будут пытаться разрешить ее по-другому. Не открывать, изобретать, определять новую форму общественной рациональности, но определять или переопределять, или переоткрывать экономическую рациональность, которая позволит устранить общественную иррациональность капитализма. Таковы два противоположных пути разрешения одной и той же проблемы. Рациональность, иррациональность капитализма — неважно. Во всяком случае, результат был таков: и те, и другие, как вы знаете, вернулись в Германию после изгнания в 1945, [19]47 гг. — я говорю, конечно же, о тех, кого вынудили к изгнанию, — а история привела к тому, что последние последователи Франкфуртской школы в 1968 г. сшиблись с полицией того самого правительства, которое вдохновлялось Фрайбургской школой, так что они оказались по разные стороны баррикад, поскольку таково было одновременно параллельное, перекрещенное и антагонистическое удвоение судьбы веберизма в Германии.

Есть и третья причина, по которой я упомянул детали карьеры этих людей, вдохновлявших становление неолиберальной политики в Германии, пожалуй, самая важная. Дело в том, что в самом центре их рефлексии находился нацистский опыт. Однако можно сказать, что для Фрайбургской школы нацизм был своего рода эпистемологической и политической «дорогой в Дамаск»[51], то есть нацизм был для них тем, что позволило им определить то, что я назвал бы неизбежным злом, которое они должны были дефинировать и преодолеть ради достижения своей цели. Предлагая лишь стратегический анализ, никоим образом не исчерпывающий их дискурс, я скажу, что, в сущности, они должны были сделать три вещи.

Во-первых, определить цель. Эта цель, которую, как вы помните, мы анализировали в прошлый раз,²⁹ заключалась в обосновании легитимности государства, исходя из пространства свободы экономических партнеров. Вот что это за цель. Такова цель [19]48 г. В сущности, эта цель была поставлена уже в 1925–1930 гг., хотя тогда она и представлялась не столь настоящей, не столь ясной и прозрачной.

Во-вторых, что им следовало определить не просто ряд противников, с которыми они могли столкнуться при достижении этой цели, но, скорее, ту систему, с которой они могли столкнуться при достижении этой цели, то есть вражеские козни, составляющие то неизбежное зло, с которым они имели дело.

А третье действие состояло в том, чтобы пересечь это вражеское поле и достичь своей цели: распределить или перераспределить имевшиеся в их распоряжении концептуальные и технические ресурсы. Именно эти два последних пункта «стратегического»[52] исследования я хотел бы немного проработать сегодня.

Как они обозначили неизбежное зло, то есть как они распознали общую логику совокупности вражеских козней или препятствий, с которыми они имели дело? Мне кажется, очень важным здесь был опыт нацизма. Конечно, немецкая либеральная мысль, даже относительно дискретная, родилась не во Фрайбургской школе. Уже многие годы такие люди, как, например, Луйо Брентано,³⁰ пытались поддерживать, сохранять темы классического либерализма в атмосфере, для них не слишком благоприятной. Схематизируя, можно сказать, что в Германии начиная с середины XIX в. существовало и

успешно выступало на исторической сцене несколько главных препятствий, главных критик либерализма, либеральной политики. Они таковы.

Во-первых, практически сформулированный в 1840 г. Листом³¹ принцип, согласно которому национальная политика и либеральная экономика несовместимы, по крайней мере в Германии. Поражение Zollverein³² в попытке создать немецкое государство исходя из экономического либерализма, было тому своего рода доказательством. И Лист, и последователи Листа отстаивали принцип, согласно которому либеральная экономика, не будучи общей формулой, универсально применимой ко всякой экономической политике, никогда не могла быть и действительно не была ничем иным, как тактическим инструментом или стратегией в руках некоторых стран для обретения позиции экономической гегемонии и империалистической политики в отношении остального мира. Говоря просто и ясно, либерализм не есть общая форма, которую должна принимать всякая экономическая политика. Либерализм — это всего лишь английская политика, политика английского доминирования. В силу этого Германия со своей историей, со своим географическим положением, со всеми ее сложностями, не может позволить себе либеральную экономическую политику. Ей нужна протекционистская экономическая политика.

Вторым одновременно теоретическим и политическим препятствием, с которым столкнулся немецкий либерализм в конце XIX в., был бисмарковский государственный социализм: чтобы немецкая нация существовала в единстве, нужно, чтобы она не просто была защищена извне протекционистской политикой, нужно еще подавить, пресечь все то, что может скомпрометировать национальное единство изнутри, то есть чтобы пролетариат как угроза национальному и государственному единству эффективно реинтегрировался в социальный и политический консенсус. Такова основная идея бисмарковского государственного социализма. Итак, это второе препятствие либеральной политике.

Третьим препятствием было развитие в связи с началом войны плановой экономики, то есть техники (к которой Германию вынудило военное положение), [заклучавшейся] в организации централизованной экономики вокруг административного аппарата, принимавшего основную часть решений в порядке экономии редких ресурсов, фиксации уровня цен и обеспечения всеобщей занятости. Германия не отказалась от плановой экономики и в конце войны, поскольку это планирование продолжали и социалистические правительства, и правительства не социалистические. Практически начиная с Ратенау³³ и до 1933 г. Германия жила с экономикой, которой так или иначе было присуще планирование, экономическая централизация как устойчивая или по крайней мере возвратная форма.

Наконец, четвертым препятствием, выступившим на историческую сцену Германии сравнительно недавно, был дирижизм кейнсианского типа. С 1925 и почти [...] [53] до 1930 гг. такие немецкие кейнсианцы, как например Лаутенбах,³⁴ адресовали либерализму тот тип критики, который вообще адресуют ему кейнсианцы, и предлагали определенные вмешательства государства во всеобщий баланс экономики. Таким образом, еще до захвата власти нацистами перед нами четыре элемента: протекционистская экономика, государственный социализм, плановая экономика, вмешательства кейнсианского типа;

четыре элемента, составляющих столько же препятствий для либеральной политики, и именно вокруг этих четырех препятствий, начиная с конца XIX в., ведут целый ряд дискуссий все сторонники либерализма, сколько их есть в Германии. И это, так сказать, дисперсное наследие, эти дискуссии наследуют немецкие неолибералы.

Я знаю, что представляю ситуацию в карикатурном виде и что в действительности между этими элементами существовала не прерывность, но что-то вроде непрерывного перехода, сплошной сетки. Переход от протекционистской экономики к экономике вспоможения совершенно естествен. К примеру, планирование того типа, который предложил Ратенау, более или менее воспроизводилось в кейнсианской перспективе в конце [19]20-х [и] в 1930-х гг. Они, конечно, сообщались, но не формировали системы. Итак, что в конце концов принес нацизм, так это жесткое соединение различных элементов, то есть организацию экономической системы, в которой протекционистская экономика, экономика вспоможения, плановая экономика, кейнсианская экономика образовывали единое целое, жестко связанное целое, чьи различные части были надежно привязаны к установившейся экономической администрации. Кейнсианская политика доктора Шахта³⁵ сменилась в 1936 г.[54] четырехлетним планом, за который отвечал Геринг,³⁶ — впрочем, ему помогали несколько бывших советников Ратенау.³⁷ Планирование преследовало двойную цель: с одной стороны, обеспечить экономическую автаркию Германии, то есть абсолютный протекционизм, а с другой — осуществлять политику вспоможения, и все это, конечно, влекло за собой инфляцию, позволившую окупить подготовку к войне (это была, если угодно, милитаризованная экономика). Все это образовывало единство.

Я бы сказал, что теоретический, спекулятивный акт насилия, которым немецкие либералы были обязаны нацистской системе, состоял в том, чтобы не говорить, как говорило в то время большинство людей, и особенно, конечно же, кейнсианцы: установленная нацистами экономическая система — это чудовищно. Они вознамерились скомбинировать поистине разнородные элементы, которые придали бы немецкой экономике жесткую форму за счет внутреннего каркаса, чьи элементы противоречили и не соответствовали друг другу. Ордолиберальный акт насилия состоял в том, чтобы не говорить: нацизм — это продукт государства, оказавшегося в кризисе, это последнее, к чему могли прибегнуть экономика и политика, не сумевшие преодолеть свои противоречия, и нацизм как-крайняя мера не может служить аналитической моделью для всеобщей истории, или, во всяком случае, для прежней истории капитализма[55] в Европе. Ордолибералы отказываются видеть в нацизме чудовищность, распад экономики, крайнюю меру, применяемую на пике кризиса. Они говорят: нацизм — это истина; или, скорее: нацизм — это просто разоблачение системы взаимозависимостей между этими различными элементами. Неолибералы говорят: возьмите любой из этих элементов. Обратитесь к протекционистской экономике или к вмешательству кейнсианского типа. Конечно, это явно различные вещи, однако вы никогда не сможете развивать одну из них, не переходя к другой. То есть эти четыре элемента, которые экономическая и политическая немецкая история успешно представила на сцене правительственной деятельности, эти четыре элемента, говорят неолибералы, экономически связаны друг с другом, и, если вы принимаете один, вы не избежите трех других.

И, вновь обращаясь к этой схеме и принципу, они успешно изучают различные типы экономики, например советское планирование. Одни из них, такие как Хайек, хорошо знавший Соединенные Штаты, вновь обратились к примеру New Deal, другие пересмотрели английский пример, и в особенности примеры кейнсианской политики в грандиозных планах Бевериджа, выработанных во время войны.³⁸ Они пересмотрели все это и сказали: как бы то ни было, во-первых, в дело идут одни и те же принципы, а во-вторых, каждый из этих элементов влечет за собой три других. Также и Рёнке в 1943 или 44 г., точно не помню, опубликовал, не испытывая недостатка ни в отваге, ни в дерзости, анализ выработанного в Англии во время войны плана Бевериджа и сказал англичанам: то, что вы готовите себе с вашим планом Бевериджа, это просто нацизм. С одной стороны, вы сражаетесь с немцами на войне, но экономически, а следовательно, и политически, вы собираетесь в точности повторить их уроки. Английский лейборизм приведет вас к нацизму немецкого типа. План Бевериджа — это то, что приведет вас к плану Геринга, четырехлетнему плану 1936 г.^{[56]39} Следовательно, они пытались нащупать что-то вроде экономико-политического инварианта, который можно обнаружить в столь различных политических режимах, как нацизм и парламентская Англия, Советский Союз и Америка New Deal; пытались нащупать этот соотносительный инвариант в разных режимах, в различных политических ситуациях, и установили принцип, согласно которому между социализмом и капитализмом, между одной конституциональной структурой и другой существенного различия нет. Подлинная проблема либеральной политики и любой другой формы экономического интервенционизма в том, принимает ли она относительно умеренную форму кейнсианства или резкую форму автаркического плана, как это было в Германии. Таким образом, перед нами некий инвариант, который, если угодно, можно было бы назвать антилиберальным инвариантом с присущей ему логикой и внутренней необходимостью. Именно это ордолибералы разгадали в опыте нацизма.

Второй урок, который они извлекли из нацизма, был таков. Что такое нацизм, спрашивали они. По существу и прежде всего — это бесконечный рост государственной власти. По правде говоря — сегодня это представляется общим местом, — это составляет определенный парадокс и теоретический или аналитический акт насилия, поскольку, если посмотреть на то, как функционировала национал-социалистическая Германия, думаю, наименьшее, что можно сказать, по крайней мере в первом приближении, — что это была попытка сверхсистематического утверждения ослабленного государства. Нацизм есть ослабленное государство по нескольким причинам. Это проявляется, во-первых, в самой юридической структуре национал-социалистической Германии, поскольку, как известно, государство в национал-социалистической Германии утратило свой статус юридического лица, ведь в правовом отношении государство определялось только как инструмент того, что выступало подлинным основанием права, а именно народа, Volk.⁴⁰ Volk с его организацией сообщества, народ как Gemeinschaft. это одновременно и правовой принцип, и конечная цель всякой организации, всякой юридической институции, включая государство. Государство может представлять Volk, может представлять Gemeinschaft, оно может быть формой, в которой этот Gemeinschaft одновременно манифестирует себя и производит свои действия, однако государство — не более чем форма или, скорее, инструмент.

Во-вторых, при нацизме государство оказывается дисквалифицировано, так сказать, изнутри, поскольку принципом внутреннего функционирования аппаратов, всех аппаратов,

была не иерархия административного типа с игрой власти и ответственности, характерная для европейской администрации XIX в. Это был принцип *Fiihrertum*, принцип ведомости, которому должны были соответствовать верность и повиновение, то есть в самой форме государственной структуры не должно было сохраняться ничего от вертикальной коммуникации, снизу вверх и сверху вниз, между различными элементами этого *Gemeinschaft*, этого *Volk*.

Наконец, в-третьих, существование партии и всего законодательного ансамбля, регламентировавшего отношения между административным аппаратом и партией, отдавало значительную часть власти партии в ущерб государству. Систематическая деструкция государства, во всяком случае его миноризация в качестве чистого и простого инструмента народного сообщества, которая была принципом фюрера, принципом существования партии, эта [миноризация][57] государства обозначает его подчиненное положение.

Итак, разбирая эту ситуацию, либералы говорят: не обманывайтесь. Действительно, государство исчезает, ставится в подчиненное положение, отвергается. Тем не менее, если государство и ставится в подчиненное положение, то просто потому, что традиционные формы государства XIX в. не могут противостоять тому новому требованию этатизации, которое как раз и выдвигала экономическая политика III Рейха. Действительно, если вы принимаете ту экономическую систему, о которой я говорю, вам необходимо заставить функционировать что-то вроде сверхгосударства, надстройку над государством, чего известные на тот момент организационные и институциональные формы обеспечить не могут. Отсюда необходимость для этого нового государства выйти за пределы известных форм и создать типы надгосударственных надстроек, усилителей государственной власти, которые репрезентирует тема *Gemeinschaft*, принцип повиновения фюреру, существование партии. Таким образом, надгосударственные надстройки, рождающееся государство, подвергающиеся этатизации институции являют собой все то, что нацисты, напротив, представляют как разрушение буржуазного и капиталистического государства. Следовательно, что позволяет им сделать другое заключение, так это то, что в действительности между той экономической организацией, о которой я только что говорил, и ростом государства существует необходимая связь, являющаяся причиной того, что ни один из элементов экономической системы не может быть принят без того, чтобы потом мало-помалу не просочились три другие, и того, что каждый из этих элементов необходим для становления, функционирования и роста государственной власти. Экономический инвариант, с одной стороны, и рост государственной власти, даже в очевидно нелепых по сравнению с классическим государством формах — с другой, — вещи абсолютно взаимосвязанные друг с другом.

Наконец, третий акт насилия, который нацизм позволил ордолибералам совершить по отношению к проблеме, которую они хотели разрешить, таков. Критику, направленную нацистами на капиталистическое, буржуазное, утилитаристское, индивидуалистическое общество, можно возводить к Зомбарту,⁴¹ поскольку Зомбарт, следуя траектории между квазимарксизмом [и] квазинацизмом, между 1900 и 1930 гг. сформулировал и обобщил... исчерпывающее резюме обнаруживается в его книге «*Der deutsche Sozialismus*».⁴² Что породили буржуазные и капиталистические экономика и государство? Они породили общество, в котором индивиды вырваны из своего естественного сообщества и объединены

друг с другом, так сказать, в плоской и анонимной форме, являющейся формой массы. Капитализм производит массу. Следовательно, капитализм производит то, что Зомбарт не называет одномерностью,⁴³ но чему он дает именно такое определение. Капитализм и буржуазное общество лишили индивидов прямого и непосредственного общения друг с другом и заставили их общаться лишь при посредстве административного и централизованного аппарата. Таким образом, индивиды сводятся к положению атомов, покорных абстрактной власти, в которой они не узнают себя. Кроме того, капиталистическое общество принуждает индивидов к массовому потреблению, чьи функции — унификация и нормализация. Наконец, буржуазная и капиталистическая экономика, по сути, обрекает индивидов на общение друг с другом посредством игры знаков и видимостей.^[58]⁴⁴ Зомбарт фактически с 1900-х гг.⁴⁵ развивал эту критику, ставшую теперь, как вы знаете, одним из общих мест мысли, над артикуляцией и основанием которой мы не задумываемся и которая выступает критикой массового общества, общества одномерного человека, авторитарного общества, общества потребления, общества спектакля⁴⁶ и т. п. Вот что говорил Зомбарт. Нацисты, впрочем, приняли все это на свой счет. И в противоположность разрушению общества [капиталистическими]^[59] экономикой и государством нацисты предложили сделать то, что они хотели сделать. Однако, говорят неолибералы, если мы присмотримся к нацистам с их организацией, с их партией, с их принципом *Fuhrertum*, чем они занимаются? На самом деле они не занимаются не чем иным, как акцентированием этого массового общества, общества унифицированного и нормализованного потребления, общества знаков и спектаклей. Давайте посмотрим, что такое нацистское общество в своем функционировании. Оно всецело принадлежит порядку массы, массы Нюрнберга, Нюрнбергских спектаклей, унифицированного потребления для всех, идеи Фольксвагена и т. п. Все это лишь возобновление, интенсификация черт буржуазного капиталистического общества, которое разоблачал Зомбарт и над которым претендовали возвыситься нацисты. А почему это так? Почему они только и делают, что воспроизводят то, что намеревались разоблачить? Потому ли, что, как утверждал Зомбарт и как утверждают после него нацисты, все эти элементы не являются результатом и продуктом буржуазного капиталистического общества? Напротив, это продукт и результат общества, для которого экономически неприемлем либерализм, общества или, скорее, государства, избравшего протекционистскую политику, политику планирования, в которой рынок не играет никакой роли и при которой администрация, государственная или парагосударственная администрация, заботится о повседневном существовании индивидов. Эти феномены массовости, феномены унификации, феномены спектакля — все это связано с этатизмом, с антилиберализмом и не связано с рыночной экономикой.

Обобщая все то, что сделало нацистский опыт поворотным моментом для либералов Фрайбурга, можно сказать: они были уверены, что смогли установить (таков, если угодно, их выбор противника, то, как они артикулировали необходимое для определения их стратегии зло), что нацизм, во-первых, представлял собой экономический инвариант, индифферентный и независимый от оппозиции социализм/капитализм и от конституциональной организации государства; во-вторых, они были уверены, что им удалось установить, что национал-социализм был инвариантом, связанным одновременно как причина и как следствие с бесконечным ростом государственной власти; в-третьих, что этот инвариант, связанный с ростом государства, имел своим основным, первым и зримым

следствием разрушение сети, ткани социальной общности, вызвавшее что-то вроде цепной реакции, циклической реакции — и протекционизм, и дирижистскую экономику, и рост государственной власти.

Все то, что противостоит либерализму, все то, что рассчитывает управлять экономикой этатистски, составляет, таким образом, инвариант, историю которого можно проследить через развитие европейских обществ начиная с конца XIX в., а точнее с начала XX в., то есть с того момента, когда либеральное искусство управлять, так сказать, само себя запугало своими собственными последствиями и когда оно попыталось ограничить следствия, которые должно было бы извлечь из своего собственного развития. Как оно пыталось ограничить их? Посредством техники вмешательства, состоявшей в том, чтобы применить к обществу и к экономике тип рациональности, считавшийся пригодным для наук о природе. Короче, то, что называется техникой. Технизация этатистского руководства, контроль над экономикой, а также технизация самого анализа экономических явлений: именно это ордолибералы называют «вечным сен-симонизмом»,⁴⁷ а Сен-Симон⁴⁸ порождает у них характерное для либерального искусства управлять головокружение, заставляющее подыскивать для общества схемы рациональности, присущие природе, принцип ограничения, принцип организации, который в конечном итоге привел к нацизму. Таким образом, от Сен-Симона до нацизма перед нами цикл рациональности, влекущей за собой вмешательства, рост государства, становление администрации, которая сама функционирует согласно типам технической рациональности, что представляет генезис нацизма на протяжении двухвековой, во всяком случае полуторавековой, истории капитализма.

Как видите, предприняв такое исследование в рамках политической мысли, экономического и социологического анализа (я, конечно, схематизирую все то, что они сказали между 1935 и 1945 или [19]50 гг.), ордолибералы подбросили хорошенький подарок, поскольку именно вслед за этим жанром исследования обрушился целый вал дискурсов и исследований, которые вам хорошо знакомы: традиционные критики буржуазного общества, исследования бюрократии; тема нацизма, которая у всех у нас в голове, тема нацизма как разоблачения и последней точки в развитии исторической природы капитализма; негативная теология государства как абсолютного зла; возможность развертывания такой же критики происходящего в Советском Союзе и США, нацистских концентрационных лагерей и карточек социального обеспечения и т. п. Все это вам хорошо знакомо, и эта серия теоретических и аналитических актов насилия, как мне кажется, берет начало в ордолиберализме.

Но самое существенное, на мой взгляд, не в этом, а скорее в том следствии, которое ордолибералы выводили из серии исследований, а именно: поскольку изъян, поставленный в упрек рыночной экономике, поскольку разрушительные эффекты, которыми традиционно попрекали рыночную экономику, как показывает нацизм, приписывать нужно вовсе не рыночной экономике, но, напротив, ответственность за них нужно возложить на государство и, так сказать, на внутренние изъяны государства с присущей ему рациональностью, нужно полностью изменить ход исследований. И вместо того чтобы говорить, как должно ограничивать государство относительно свободную рыночную экономику, чтобы ее результаты были наименее вредоносны? — нужно рассуждать совсем иначе. Нужно сказать:

ничто не доказывает, что у рыночной экономики есть недостатки, ничто не доказывает, что у нее есть внутренние изъяны, поскольку все, что ей приписывают как недостаток и как следствие изъяна, следует приписывать государству. Итак, давайте сделаем обратное, давайте потребуем от рыночной экономики намного больше, чем требовали от нее в XVIII в. А чего требовали от рыночной экономики в XVIII в.? Говорили о государстве: начиная с такого-то ограничения, когда речь идет о таком-то вопросе, и начиная с границ такой-то области ты больше не вмешиваешься. Этого недостаточно, говорят ордолибералы. Поскольку оказывается, что любого рода государство есть носитель внутренних изъянов, и ничто не доказывает, что это изъяны рыночной экономики, давайте будем требовать от рыночной экономики, чтобы она стала не принципом ограничения государства, но принципом внутреннего регулирования государства от края до края его существования и его деятельности. Иначе говоря, вместо того чтобы принимать свободу рынка, определяемую государством и удерживаемую, так сказать, под государственным надзором (что было своего рода исходной формулой либерализма: установим пространство экономической свободы, ограничим его рамками государства, которое будет за ним надзирать), говорят ордолибералы, следует полностью перевернуть эту формулу и предоставить свободу рынку как организационному и регулятивному принципу государства с самого начала его существования и до последних форм его вмешательств. Другими словами, скорее государство под надзором рынка, чем рынок под надзором государства.

Мне представляется, что такого рода переворачивание ордолибералы могли произвести, лишь исходя из предпринятого ими анализа нацизма, опираясь на который, они в 1948 г. попытались разрешить стоявшую перед ними проблему, а именно: несуществующее государство, государство, которое нужно легитимировать, сделать приемлемым в глазах тех, кто питал к нему наибольшее недоверие. Итак, давайте примем свободу рынка, и мы получим механизм, который сможет обосновать государство и который, контролируя его, даст всем, кто небезосновательно сомневается, требуемые ими гарантии. Вот чем было, как мне кажется, это переворачивание.

И здесь, как мне кажется, можно ситуировать то, что оказалось самым важным, решающим для современного неолиберализма. Не нужно питать иллюзии, будто современный либерализм, как это слишком часто говорят, представляет собой воскрешение[60], возврат старых форм либеральной экономики, сформулированных в XVIII и XIX вв., которые в настоящее время капитализм якобы реактивировал в силу определенных обстоятельств, таких как его слабость, сотрясающие его кризисы, определенные политические или более или менее локальные и конкретные цели. В действительности задача современного неолиберализма, принимает ли он немецкую форму, о которой я сейчас говорю, или американскую форму анархо-либерализма, гораздо важнее. Эта задача состоит в том, чтобы выяснить, может ли рыночная экономика служить принципом, формой и моделью государства, чьи изъяны в настоящее время вызывают недоверие у всего мира как у правых, так и у левых. Все сходятся в критике государства, в разоблачении разрушительных и вредоносных эффектов государства. Но внутри этой всеобщей критики, этой путаной критики, не обнаруживающей большого различия от Зомбарта до Маркузе, так сказать, наперекор и вопреки этой критике, не норовит ли либерализм протащить то, что является его подлинной целью, то есть всеобщую формализацию государственной власти и организацию общества, исходя из рыночной экономики? Может ли рынок выступать

эффективной силой формализации и для государства, и для общества? Такова важнейшая проблема, основание современного либерализма, и именно в силу этого он представляет значительнейшую мутацию по отношению к традиционным либеральным проектам, рождение которых мы видели в XVIII в. Речь идет не просто о допущении свободной экономики. Речь идет о том, чтобы выяснить, как далеко распространяется информационное, политическое и социальное влияние рыночной экономики. Такова цель. Итак, для того чтобы ответить: да, рыночная экономика действительно способна и информировать государство, и реформировать общество, или реформировать государство и информировать общество, ордолибералы произвели определенные смещения, трансформации, инверсии традиционной либеральной доктрины, и именно эти трансформации я хотел бы объяснить немного подробнее.[61]

Итак, первое смещение — это смещение обмена, смещение от обмена к конкуренции как принципу рынка. Говоря в самых общих чертах, чем определялся или, вернее, исходя из чего описывался рынок в либерализме XVIII в.? Он определялся и описывался исходя из обмена, свободного обмена между двумя партнерами, которые своим обменом устанавливают эквивалентность между двумя ценностями. Моделью и принципом рынка был обмен, и для того чтобы рынок был приемлемым, чтобы эквивалентность в самом деле была эквивалентностью, конечно же, требовались свобода рынка, невмешательство третьего лица, какой бы то ни было власти, а *fortiori* государственной власти. Самое большее, что требовалось от государства, — следить за бесперебойной работой рынка, то есть сделать так, чтобы соблюдалась свобода обменивающихся. Таким образом, государство не должно вмешиваться во внутренние дела рынка. Вместо этого от государства требовали вмешиваться в производство в том смысле, в каком либеральные экономисты середины XVIII в. говорили, что, когда что-то производится, то есть когда во что-то вкладывается труд, нужно, чтобы всеми соблюдалась частная собственность на то, что производится. И тогда, в силу этой необходимости частной собственности на продукцию, возникала потребность в государственной власти. Однако рынок должен был быть, так сказать, неприкосновенным и свободным местом.

Так вот, для неолибералов сущность рынка заключается не в обмене этой разновидности первобытной и фиктивной ситуации, которую задавали либеральные экономисты XVIII в. Она в другом. Сущность рынка заключается в конкуренции. Впрочем, в этом отношении неолибералы только и делают что следуют эволюции либеральной мысли, доктрины и теории XIX в. Практически повсеместно в либеральной теории с конца XIX в. признается, что сущность рынка есть конкуренция, то есть не эквивалентность, а, напротив, неравенство.⁴⁹ А проблема конкуренции/монополии куда в большей степени составляет сущностный каркас теории рынка, чем проблема ценности и эквивалентности. Таким образом, ордолибералы не выходят за рамки исторической эволюции либеральной мысли. Они повторяют классическую концепцию и принцип, согласно которому конкуренция и только конкуренция может обеспечить экономическую рациональность. Как она может обеспечить экономическую рациональность? Посредством формирования цен, способного в той мере, в какой существует повсеместная и всеобщая конкуренция, соразмерять экономические величины, а следовательно, регулировать выбор.

В отношении либерализма, сосредоточенного на проблеме конкуренции, в свою очередь центрированной на конкуренции теории рынка, ордолибералы намереваются предложить нечто, как мне представляется, специфичное [для них][62]. Маржиналистская и неомаржиналистская концепция рыночной экономики XIX [и] XX вв. говорит так: поскольку рынок может функционировать только за счет свободной и всеобщей конкуренции, нужно, следовательно, чтобы государство воздерживалось от видоизменения конкуренции, такой, как она существует, и от введения элементов монополии, конкуренции и т. п., которые изменили бы это состояние конкуренции. Самое большее, оно должно вмешиваться, чтобы воспрепятствовать нарушению этой конкуренции теми или иными феноменами, например феноменом монополии. Таким образом, они продолжают выводить из принципа рыночной экономики то же самое следствие, которое выводилось из него в XVIII в., когда рыночная экономика определялась обменом, точнее *laissez-faire*. Иначе говоря, либералы XVIII в., как и либералы XIX[63] в., из принципа рыночной экономики выводили необходимость *laissez-faire*. Одни выводят ее из обмена, другие — из конкуренции, но во всяком случае логическое, политическое следствие рыночной экономики — это *laissez-faire*.

Итак, здесь ордолибералы порывают с традицией либерализма XVIII и XIX вв. Они говорят: из принципа конкуренции как организующей формы рынка не может и не [должно][64] выводиться *laissez-faire*. Почему? Потому, говорят они, что когда из рыночной экономики вы выводите принцип *laissez-faire*, в сущности, вы все еще следуете тому, что можно было бы назвать «натуралистической наивностью»[65], то есть вы считаете, что рынок, определяется ли он обменом или конкуренцией, так или иначе есть что-то вроде природной данности, что-то, что производится спонтанно и что государство должно признавать, поскольку это природная данность. Но это, говорят ордолибералы, (здесь нетрудно заметить влияние Гуссерля),⁵⁰ натуралистическая наивность. Ведь что такое конкуренция? Это не обязательно природная данность. Конкуренция с ее игрой, с ее механизмами и позитивными результатами, которые признаются и ценятся, — это не явление природы, не результат естественной игры appetitов, инстинктов, поступков и т. п. В действительности конкуренция не обязана своими результатами сущности, которой она обладает, которая ее характеризует и которая ее конституирует. Этими благотворными результатами конкуренция обязана не предсуществованию природы, природной данности, которую она несет с собой. Она обязана ими формальной привилегии. Конкуренция — это сущность. Конкуренция — это эйдос.⁵¹ Конкуренция — это принцип формализации.⁵² У конкуренции своя собственная логика, своя собственная структура. Следствия выводятся только при условии, что эта логика соблюдена. Это, так сказать, формальная игра между неравенствами, а не природная игра между индивидами и поступками.

И так же, как у Гуссерля формальная структура не дается в усмотрении без определенных условий, так и конкуренция как сущностная экономическая логика появляется и производит свои результаты только при определенных, тщательно и детально соблюдаемых условиях. Таким образом, чистая конкуренция не является изначальной данностью. Она может быть лишь результатом длительного усилия и, по правде говоря, никогда не достигается. Она должна и может быть лишь целью, предполагающей как следствие политику бесконечной активизации. Конкуренция, таким образом, есть историческая цель искусства управления, а не природная данность, которую нужно признавать. В такого рода анализе обнаруживается и влияние Гуссерля, и что-то вроде веберовского схождения истории и экономики.⁵³ Они

говорят: экономическая теория должна заниматься анализом конкуренции как формального механизма и определением ее оптимальных результатов. Но то, что действительно происходит в известных нам обществах, можно [анализировать][66], лишь исходя из теории конкуренции. Анализировать это можно, лишь обращаясь к реальным историческим системам, внутри которых формируется или деформируется игра формальных экономических процессов. А значит необходим исторический анализ систем, так сказать, пересекающийся, как горизонталь пересекается с вертикалью, с формальным анализом экономических процессов. Экономика анализирует формальные процессы, история должна анализировать системы, делающие возможным или невозможным функционирование этих формальных процессов.⁵⁴

Разрыв (и это третье следствие, выводимое ими отсюда) между конкурентной экономикой и государством, взаимное разграничение различных областей более, как видите, невозможно. Больше нет рыночной игры, которую оставляют свободной с тем, чтобы потом в нее вмешивалось государство, поскольку рынок, или, скорее, чистая конкуренция как сущность рынка, может возникнуть, только если ее производят, и если ее производят посредством правительственной деятельности. Таким образом, перед нами своего рода наложение рыночных механизмов, упорядочиваемых конкуренцией, и правительственной политики. Правление должно от начала до конца сопутствовать рыночной экономике. Рыночная экономика ни в чем не ускользает от правления. Напротив, она служит индикатором, составляет общий индекс, под которым следует расположить правило, определяющее все правительственные действия. Следует править ради рынка, а не из-за рынка. Так что, как видите, это полный переворот по отношению к либерализму XVIII в. Проблема такова: каким должен быть тип ограничения, или, скорее, каким должно быть в отношении искусства управлять, следствие того общего принципа, согласно которому рынок — это то, что в конечном итоге должно производить правление? И, как в хорошем фельетоне, это именно то, что я попытаюсь объяснить вам в следующий раз.

Версия #2

Зверобой создал 27 января 2026 05:15:13

Зверобой обновил 27 января 2026 19:13:38